

4. Рахматулин Р.Я. Общественно-образовательное образование в школах Германии // Обществознание в школе. 1998. №1. С. 59.
5. Рахматулин Р.Я. Концепция обучения политике в школах ФРГ // Обществознание в школе. 1998. №2. С. 64-68.
6. Касвин Г.А., Лапчинская В.П. Народное образование за рубежом. М., 1968. С. 44.
7. Вайянт Ж. Образовательные стандарты в американской школе // Преподавание истории и обществознания в школе. 2000. №3. С. 75-76.
8. Сайпулаева Т.Ю. Содержание и методы гражданского образования в США // Педагогика. 2002. №5. С. 94-95.
9. Вульфсон Б.Л., Малькова З.А. Сравнительная педагогика. М.; Воронеж, 1996. С. 201.
10. Концепция гражданского образования в общеобразовательной школе // Преподавание истории и обществознания в школе. 2002. №4. С. 18.

**Турдубекова Т.Ш.
(Екатеринбург)**

Советско-иранские отношения в период советско-финской войны

Многие вопросы Второй мировой войны, особенно связанные с восточным направлением, являются мало изученными, что, с одной стороны, связано с недостатком опубликованных документов и недоступностью архивов, а с другой стороны, с общей тенденцией европоцентризма. Ни в коем случае не умаляя важности исследований европейского направления, тем не менее необходимо признать неудовлетворительную ситуацию с рассмотрением влияния Второй мировой войны на положение на Востоке.

С началом советско-финской войны 30 ноября 1939 г. усилилась всеобщая напряженность, подтолкнувшая Францию и Великобританию к более детальной разработке планов нападения на советские нефтеразработки на Кавказе. Обсуждение этих планов, мыслимых как часть общих действий союзников, направленных против СССР, началось в октябре 1939 г. В ноябре эти планы начинают приобретать реальные очертания. Лишение Германии поставок нефти из СССР была одной из причин разработки Францией и Великобританией планов воздушных бомбардировок Баку и других городов Кавказа. Союзники рассчитывали нанести этим серьезный удар по «другу» Германии. Одновременно шла подготовка к

действиям авиации, военно-морского флота и сухопутных войск против южных районов СССР.

С началом Второй мировой войны Иран оказался в непростой ситуации. С одной стороны, провозглашенная политика нейтралитета носила скорее прогерманский характер, с другой стороны, достаточно сильные позиции в Иране имела Великобритания, что было связано с деятельностью Англо-иранской нефтяной компании на юге страны. Безопасность и бесперебойное функционирование нефтеразработок были очень важны для Великобритании, а в условиях войны тем более. Кроме того, в Тегеране с подозрительностью относились к северному соседу, СССР. Иран был одним из немногих, кто встретил сообщение о советско-германской «дружбе» со вздохом облегчения, так как опасался советско-английского сближения, в котором небезосновательно видел угрозу целостности страны.

В октябре 1939 г. английское агентство Юнайтед пресс сообщило об усиленной концентрации советских войск на кавказской границе. В опровержении ТАСС это сообщение было охарактеризовано как «злостный вымысел, преследующий явно провокационные цели». В конце октября МИД Ирана направил своим дипломатическим представителям за границей циркуляр, предписывающий им опровергать как необоснованные сообщения иностранных газет о решении иранского правительства отойти от политики нейтралитета и встать на сторону Англии и Франции (1). Возможны два варианта объяснения этих событий – либо СССР действительно стягивал войска к советско-иранской границе, либо это были только слухи, распространяемые англичанами для напряжения обстановки в Иране и подготовке его к переходу в лагерь союзников.

13 ноября 1939 г. германский посол в Москве Ф. Шуленбург информировал наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова о стремлении Берлина усилить нажим на Англию и Францию, чтобы вынудить их закончить войну. Шуленбург просил наркома о проведении военной демонстрации на границах Афганистана и Кавказа, либо, при невозможности подобной акции, о желательности не опровергать подобные слухи, если таковые появятся. Молотов дал положительный ответ (2). Уже с середины ноября германская пресса начала «маневры» в отношении Ирана. В свою очередь, 18 декабря 1939 г. иранская газета «Эттелаат» в ответ на публикации немецких газет поместила статью под названием «Обратная пропаганда», в которой опровергала возможность помощи Великобритании. В ответ

на слухи о возрождении экспансионистской политики СССР в отношении Ирана в статье подчеркивалось, что «такого рода пропаганда, которая проводится в последнее время, нам хорошо известна и мы хорошо знаем о тактике возбуждения умов и о том, какие меры они принимают для осуществления своей политики и как они не пренебрегают употреблением различных ложных сведений... Мы уверены, что такие ядовитые мысли также не будут иметь влияния на политические круги нашего северного соседа» (3). Полпред СССР в Иране М.Е. Филимонов 22 декабря 1939 г. писал по поводу этих статей: «Сопоставление времени помещения в немецких газетах и откликов на них иранской печати в данный момент показывают, с одной стороны, нет ли в этих сообщениях касающихся Англии и Ирана, известной доли правды, которую разболтали немцы, по-видимому, в пику англичанам. А с другой стороны, иранцы, по-видимому, хотят подкрепить, занятую ими политику нейтралитета, лишней раз лягнув Германию, которая распускает подобные слухи в целях ослабления советско-иранских отношений... В настоящий момент совершенно трудно определить, какой позиции держится Иран» (4).

Между тем в Иране витал дух мобилизации. В январе 1940 г. был проведен призыв на военную службу для военных учений на 1 месяц резервистов с 1906 по 1916 гг. рождения (5). Появляются статьи, восхваляющие военную службу, иранскую армию и службу в авиации. В «Журналь де Тегеран» 4 февраля 1940 г. была опубликована статья «Хузистан вооружается», отмечающая, что «благодаря мужеству своего народа и хорошей организации военных сил, наша страна сохраняет свой нейтралитет и сумеет защитить свои границы от злых намерений иностранцев» (6). В Лондоне изучали возможность привлечения Ирана к акции против СССР, в свою очередь, иранское правительство проявляло активность в этом вопросе. 1 февраля 1940 г. военный министр Ирана А. Нахджаван поставил перед английским военным атташе В Тегеране Х. Андервудом вопрос о покупке в Великобритании 60 бомбардировщиков и 20 истребителей в дополнение к 15 истребителям, уже обещанным англичанами. Министр обосновывал желание приобрести бомбардировщики стремлением вести войну на территории противника. Он выразил готовность пожертвовать половину бомбардировочной авиации Ирана с целью разрушения или повреждения Баку. Военный министр также предложил «координацию иранских и британских наступательных

планов для войны против России». В иранских военных кругах было распространено мнение, что иранские войска вполне в состоянии занять Баку и ряд других городов Кавказа (7).

В свою очередь, англо-французская пресса старалась внушить иранскому правительству, что большая опасность грозит именно ему, попеременно то запугивая иранцев советским вторжением, то подбадривая и намекая, что Англия не оставит иранцев в беде (8). В начале марта 1940 г. Филимонов встретился с новым немецким посланником в Тегеране Эттелем, который в беседе с полпредом отметил, что англо-французская пропаганда в Иране ставит своей целью противопоставлять интересы Германии и СССР и, что, по мнению Берлина, СССР ни в коем случае не собирается нападать на Иран. Англичане же, пропагандируя идею нападения СССР на Иран, вынашивают план нападения на советский нефтеносный Баку. По мнению Берлина, англичанам не удастся втянуть Иран в блок союзников. Не желая быть втянутым в войну из-за боязни потерять независимость Ирана, шах не пойдет на то, чтобы стать жертвой английской пропаганды. Эттель отметил, что иранские министры в частных беседах с ним, в связи с прошедшими событиями в Польше и настоящими в Финляндии, выразили свои опасения в отношении целостности Ирана. По мнению Эттеля, их опасения увеличиваются под влиянием английской пропаганды. Немецкий посланник выразил уверенность в том, что шах, держась за нейтралитет, не будет инициатором и соучастником превращения саадабадской конвенции в военный союз. В случае нападения на Иран с чьей-либо стороны шах присоединится к Турции, а потом примкнет к союзникам. По мнению Эттеля, при данных международных условиях шах правильно держит курс нейтралитета (9). Англичане осознавали, что действия союзников против СССР на Кавказе означали бы войну с Советским Союзом и подходили к этому вопросу более трезво, взвешивая, насколько оправданным для Великобритании является риск быть втянутой в состояние войны с СССР. Турецкое правительство не оправдало надежд союзников; к концу марта стало очевидно, что Турция не стремится оказаться втянутой в игру Великобритании и Франции. А как отмечал Энгерт, американский посланник в Тегеране, Реза-шах опасался даже мысли оказаться вынужденным заключить какой-либо оборонительный пакт с Великобританией или Россией и считал договор Турции с Англией и Францией недостаточной гарантией против советской агрессии (10).

Молотов на заседании Верховного Совета 29 марта 1940 г. отметил, что в «Сирии и вообще на Ближнем Востоке идет большая подготовительная возня с созданием англо-французских, по преимуществу колониальных, армий во главе с генералом Вейганом. Всякие попытки такого рода вызвали бы с нашей стороны ответные меры против агрессоров, причем опасность такой игры с огнем должна быть очевидна для враждебных СССР держав и для тех из наших соседей, кто окажется орудием этой агрессивной политики против СССР». Это был явный пассаж в сторону англо-французского блока, а также Турции и Ирана. В то же время нарком подчеркнул, что СССР заинтересован в сохранении добрососедских отношений с Турцией и Ираном. Отметив, что с этими странами существуют договоры о ненападении, он выразил надежду, что «содержащиеся в них взаимные обязательства будут выполняться» (11).

Как отмечает азербайджанский историк Дж. Гасанлы, «присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939 г. к СССР стимулировало повышение интереса Советов к Южному Азербайджану. В начале 1940 г. этот регион был включен в военно-стратегические планы Москвы». Однако, к сожалению, никаких документальных свидетельств наличия подобных планов автор не приводит. Мы, в целом, согласны с точкой зрения Гасанлы, но должны констатировать, что наличие экспансионистских намерений в отношении Ирана со стороны Москвы подтверждается только косвенными данными. Однако все последующие события (ввод советских войск на территорию Ирана в августе) сентябре 1941 г. и перипетии, связанные с выводом войск в 1946 г. – говорят в защиту этой точки зрения. Гасанлы выделяет несколько причин подобных планов Москвы в отношении южного соседа: возможность вклиниться вглубь средневосточного региона, стремление обеспечить безопасность южнокавказской части страны, а также опасения, что Германия может взять под свой контроль экономику Ирана, прежде всего, овладеть его нефтяными богатствами (12). 31 января 1940 г. командующий Сибирским военным округом Калинин в выступлении перед начальствующим составом заявил, что весной 1940 г. неизбежна война, в которой «СССР в союзе с Германией, Японией и Италией выступит против объединенного блока Англии, Франции, Турции, Китая, Румынии, Ирана и Афганистана» (13). Иран, в свою очередь, видимо тоже был не прочь расширить свои границы за счет Советского Азербайджана. В апреле 1940 г. наркомат иностранных

дел СССР получил в свое распоряжение карту, отпечатанную по решению иранского меджлиса, под названием «Новое административное деление государства Иран», внизу которой было замечание: «границы Ирана, за исключением границы с Турцией, не являются официальными» (14).

К весне 1940 г. напряженность между СССР и Ираном увеличилась. В конце марта 1940 г. произошел инцидент, связанный с полетом двух самолетов со стороны Ирана над советской территорией. Посольство Ирана направило 11 апреля по этому вопросу в НКВД памятную записку и аналогичную 16 апреля с заявлением, что никаких полетов 30 марта не производилось. В этот же день НКВД направил в посольство Ирана свою памятную записку, в которой говорилось, что перелет зафиксирован советскими пограничниками, а указание иранцев, будто в этот же день имел место случай нарушения иранской границы советским самолетом, лишено всякого основания. 22 апреля 1940 г. полпред СССР в Тегеране Филимонов сообщил о своей беседе с министром иностранных дел Ирана Аалямом, в которой последний высказал мысль, что иранское правительство «при недоверии к его заявлению может думать, что *нет ли у советской стороны каких-либо других намерений* [курсив мой – Т. Т.]» (15). Взаимные обвинения являются, в принципе, обычной практикой, проверить их достоверность не представляется возможным. Однако, по данным советской разведки, похожие самолеты вернулись в Лондон 12 апреля 1940 г. с удачными снимками советской территории. Естественно, что подобная информация не внушала доверия Москвы к Тегерану. В СССР опасались сближения Ирана с Великобританией.

После капитуляции Франции немцы получили в свое распоряжение секретные документы французского правительства, чем естественно не преминули воспользоваться в собственных целях, опубликовав специальную подборку документов в «Белых книгах». Расчет немцев на то, чтобы усилить недоверие Москвы к Западу, оправдался. 5 июля 1940 г. в газетах «Правда» и «Известия» были опубликованы статьи, комментирующие документы 5 и 6 «Белых книг». В тот же день посол Ирана Саед обратился с личным письмом на имя наркома, в котором отметил, что опубликованные документы не дают оснований называть позицию Ирана «странной и двусмысленной», подчеркнув, что иранское правительство никогда не принимало ни прямого, ни косвенного участия в каких-либо

комбинациях против СССР. В беседе с заместителем наркома С.А. Лозовским 9 июля 1940 г. Саед сделал аналогичное заявление от имени своего правительства (16). Посол Германии в Москве Шуленбург в письме статс-секретарю Вейцекеру от 11 июля 1940 г. отметил: Они (иранцы – Т. Т.) считают, что «Белая книга» побудила советское правительство предпринять акции против Ирана. Иранский посол здесь, однако, слишком умен, чтобы не видеть, что документы «Белой книги» для советского правительства лишь предлог и что Москва нашла бы без труда другой, если бы не представился этот» (17).

Советско-иранские отношения, и без того достаточно напряженные, ухудшились в связи с началом советско-финской кампании, что во многом было связано с деятельностью Великобритании, Франции и Германии. И СССР, и Иран испытывали недоверие друг к другу, что пытались использовать в своих интересах ведущие державы. Великобритания и Франция пытались склонить Иран на свою сторону. Иран же, преследуя свои интересы, может и пошел бы навстречу союзникам, если бы в Тегеране были полностью уверены в успехе операции. Однако риск был слишком велик, и в Тегеране посчитали за благо не ссориться с Москвой. Кроме того, необходимо учитывать, что свою внешнюю политику Иран проводил с известной долей оглядки на другого участника Саадабадского пакта, Турцию. В свою очередь Германия использовала напряженность в советско-иранских отношениях в собственных интересах, подливая масла в огонь слухами о сближении Великобритании и Ирана, дабы усилить напряженность отношений Тегерана с Москвой, с другой стороны, Германия пыталась запугать Иран возможностью советского вторжения, чтобы держать Иран в постоянном страхе перед СССР.

1. Агаев С.Л. Германский империализм в Иране. М., 1969. С. 88.
2. Другая война. 1939 – 1945. М., 1996. С., 42
3. Архив внешней политики (далее – АВП). Ф. 94. Оп. 24. Д. 31. Л. 3-4.
4. Там же. Л. 58-59.
5. Там же. Л. 12.
6. Там же. Л. 13-15.
7. Сиполс В.Я. Тайные документы «странной войны» // Новая и новейшая история. 1993. №3. С. 125-126.
8. АВП. Л. 67.
9. Документы внешней политики России (СССР) (далее – ДВП) Т. 23. Кн. 1. М., 1995. С. 126-127.

10. Агаев С.Л. Иран: внешняя политика и проблемы независимости. 1925 – 1941. М., 1971. С. 303.
11. Сиполс В.Я. Указ. соч. С. 134.
12. Гасанлы Дж. СССР – Иран: азербайджанский кризис и начало «холодной войны». М., 2006. С. 15.
13. История России. Тысячелетие дипломатии и войн. Екатеринбург, 1995. С. 83.
14. Гасанлы Дж. Указ. соч. С. 16.
15. ДВП. Т. 24. М., 1998. С. 791-792.
16. ДВП. Т. 23. Кн. 1. С. 436.
17. Оглашению подлежит. СССР – Германия. 1939 – 1941. Документы и материалы. М., 1991. С. 206.

**Шистеров М.В.
(Екатеринбург)**

Поход Наполеона в Россию глазами маркиза Ж. де Шамбрэ

В исторической памяти французов Русская кампания Наполеона имеет непростую судьбу. В этой удивительной войне, повлекшей за собой столь колоссальные жертвы и похоронившей надежды Наполеона на создание общеевропейской империи, французы обрели пример сверхчеловеческого героизма и неиссякаемый источник жизненных сил народа, на крутых поворотах истории черпавшего в подвигах своих предков вдохновение и веру в собственные возможности, и в лучшие времена. Вместе с тем, столь явная героизация воинов Великой армии и ее великого полководца накладывала (и продолжает накладывать) существенные ограничения на эвристические возможности французской исторической науки. Однако такая ситуация возникла не сразу.

В 1814 г., когда в бурбоновской Франции стали появляться первые работы, посвященные Русской кампании 1812 г., ни о какой героизации Наполеона и его армии не могло быть и речи. Критически заостренные труды Р.Ж. Дюрдана и Э. Лабома стремились если не дискредитировать узурпатора, то, во всяком случае, демонстрировали жесткость суждений и оценок (1). Им противостояли несломленные сторонники свергнутого императора, которые даже в условиях Реставрации находили возможность заявить о своей позиции, заложив основы бонапартистской историографии (2). На фоне этой полемики,